

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Лингвистические основы описания информационной войны	15
Информационно-психологические войны: исторический обзор (Приходько М.В.)	16
Информационная война как предмет изучения лингвистики (Калинин О.И., Приходько М.В.)	33
Психосоциальные основания дискурса информационных войн (Муравлева В.Р.)	49
Информационная война с позиций когнитивно-дискурсивного подхода (Калинин О.И.)	57
Информационная война как когнитивно-дискурсивный феномен новой геополитической реальности (Хабаров А.А.)	62
Глава 2. Специальная военная операция как информационная война: взгляд с Запада	89
Специфика освещения в СМИ специальной военной операции Вооруженных сил Российской Федерации (Попова Л.Е.)	90
Образ России в британском медиадискурсе в период СВО (на материале издания “The Economist”) (Подолько А.С., Солопова О.А.)	104
«Услышать обе стороны»: немецкоязычные СМИ пророссийской направленности о предыстории, ходе и политическом контексте СВО (Гречушникова Т.В.)	124
Креолизованные политические тексты в западных СМИ как инструмент ведения ментальной войны (Имас А.В.)	144
Nederland vs Rusland. Лингвокультурологический анализ публичных выступлений голландских политических деятелей в контексте СВО на Украине (Степаненко Е.А.)	158

Базовые методы речевого воздействия в СМИ (на примере новостных сообщений Королевства Испания, Боливарианской Республики Венесуэла и Республики Куба) (<i>Лелюкаева Э.М.</i>)	172
Образ России в современном военно-политическом дискурсе на материале освещения геополитических событий 2022 года (<i>Веретенников А.С.</i>)	183

Глава 3. Специальная военная операция как информационная война: взгляд с Востока 191

Индийские СМИ о специальной военной операции Вооруженных сил РФ (<i>Голубцова Е.В.</i>)	192
Репрезентация специальной военной операции ВС РФ на Украине в новостном медиадискурсе КНР: корпусный анализ (<i>Калинин О.И.</i>)	204
Анализ языковой репрезентации специальной военной операции в СМИ КНДР и Республики Корея (<i>Мавлеева Д.В.</i>)	216
Позиция Вьетнама относительно специальной военной операции России на Украине (<i>Сербин В.А.</i>)	228
Образ Вооруженных сил Российской Федерации в СМИ Японии в контексте проведения специальной военной операции на Украине (<i>Середенко В.М., Вьюнов А.С.</i>)	246
Заключение	255
Список использованной и рекомендованной литературы	258

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четыре газеты могут причинить врагу
больше зла, чем сотысячная армия.

Наполеон Бонапарт

Политическая коммуникация на современном этапе носит массовый и перманентный характер за счет ее фактически полного слияния с медиадискурсом. Информация, появляясь в СМИ, мгновенно доносится до адресата речевого сообщения. Информационные потоки во многом похожи на цунами, где каждый человек, по сути, постоянно находится в «прибрежной зоне», и скрыться от воздействия или последствий информационной волны нет никакой возможности.

Современное медиапространство — это важнейший канал формирования общественного мнения о любой институциональной или событийной реальности, что осуществляется языковыми средствами на когнитивном уровне. Как отмечается, «любое общественно-политическое событие посредством освещения в СМИ поступает к массовому адресату в виде языковой репрезентации нового концепта или изменения содержания имеющегося концепта, который, соединяясь с ментальными установками каждого отдельного адресата, т.е. его базовыми знаниями и набором персонального опыта, концептуализируется, категоризируется и интерпретируется» [Калинин, 2020: 94].

Так, базовой установкой данной научной работы является представление о том, что медиадискурс может изучаться как инструмент непосредственной реализации коммуникативных стра-

тегий и тактик, связанных с информационно-психологическим противоборством, реализуемым на когнитивном уровне.

Мы полагаем, что исследование репрезентации тех или иных значимых социально-политических событий в средствах массовой информации является важным и актуальным с точки зрения сразу нескольких аспектов:

1) с теоретической точки зрения позволяет выявить механизмы формирования общественного мнения;

2) с практической точки зрения демонстрируют *hic et nunc* состояние общественного мнения относительно того или иного события.

Кроме того, подобные исследования имеют важное прогностическое значение, так как позволяют на основании имеющегося понимания механизмов формирования общественного мнения и его состояния в настоящий момент делать прогнозы относительно развития политической ситуации.

Так, одним из значимых событий мирового масштаба, которое по оценкам многих экспертов во многом будет определять архитектуру будущего мироустройства, явилась специальная военная операция ВС России на Украине. Сразу после начала боевых действий не менее «ожесточенное сражение» развернулось среди лидеров мнений мировой общественности, и информационная война вышла за пределы привычного формата: СМИ превратились из «средств артиллерийской поддержки» в «оружие массового поражения». В условиях мирового политического и экономического кризиса, невозможности решения возникающих проблем посредством международных организаций на первый план вышли двусторонние отношения между государствами, а СВО (специальная военная операция) стала своего рода лакмусовой бумажкой для определения отношений между странами и формирования образа России и ее будущего среди народов других стран.

Все эти факторы предопределяют как теоретическую, так и практическую значимость данной коллективной научной ра-

боты, в которой мы попытались рассмотреть механизмы информационной войны как «ментального» противоборства, осуществляемого дискурсивными формами на когнитивном уровне в ходе освещения специальной военной операции ВС РФ на Украине.

Структурно наша работа состоит из трех глав. В первой главе «Лингвистические основы описания информационной войны» описаны некоторые базовые положения лингвистики информационно-психологической войны, современного направления лингвистических исследований, разработанного в трудах А.П. Сковородникова, Г.А. Копниной, А.А. Бернацкой, С.Л. Кушнерук и других исследователей. В данной монографии мы сосредоточились на когнитивно-дискурсивном описании информационной войны, описав сначала формы и методы осуществления информационно-психологического воздействия в историческом контексте. Эволюция этих форм и методов является отражением имеющегося типа мировоззрения на конкретном этапе исторического развития человечества и связана с изменением канала распространения информации (М.В. Приходько. Информационно-психологические войны: исторический обзор).

В параграфе «Информационная война как предмет изучения лингвистики» (О.И. Калинин, М.В. Приходько) обобщена методология современных исследований информационной войны и выделены четыре основных подхода к ее описанию с точки зрения лингвистики: коммуникативный, дискурсивный, когнитивный и культурно-идеологический. Авторы выделяют комплексный характер современной информационной войны, которая отличается коммуникативной природой, дискурсивным характером, когнитивной основой, культурной и идеологической обусловленностью.

В.Р. Муравлева развивает мысль о дискурсивном характере информационных войн (Психосоциальные основания дискурса информационных войн), выделяя концептуально-тематический, функционально-прагматический и формально-

стилистический план стратегий информационно-психологического воздействия. Автор постулируется мысль о том, что основная цель любой информационной кампании состоит в формировании новых субъективных интерпретаций окружающей действительности.

Параграф «Информационная война с позиций когнитивно-дискурсивного подхода» (О.И. Калинин) нацелен на описание возможных подходов к системному изучению информационной войны: нисходящую тенденцию, т.е. от критического анализа дискурса к определению дискурсивных тактик и стратегий, и восходящую тенденцию, т.е. от анализа текста через анализ дискурса к выявлению концептов-мишеней.

А.А. Хабаров предлагает взгляд на информационную войну как на системное лингвоментальное воздействие, которое разворачивается в социокультурном пространстве, и последовательно описывает все параметры такого воздействия: контрастную динамику дискурсов информационной войны, сформированность идеологических установок, управляемую интердискурсивность акторов информационной войны, организацию событийного фона. Автор изучает системную информационную войну стран Запада и наглядно демонстрирует ее когнитивно-дискурсивную природу и массовый характер.

Отдельные исследования, представленные в главе 2 «Специальная военная операция как информационная война: взгляд с Запада» и главе 3 «Специальная военная операция как информационная война: взгляд с Востока», в основном следуют логике восходящего исследования информационной войны против России.

Мы солидарны с мнением Д.А. Дугиной о том, что ментальное воздействие применяется одновременно к трём типам участников:

- к обществу, против которого направлена военная стратегия (против граждан РФ и ее союзников);

- к нейтральным обществам (союзникам и дружественным странам США / НАТО);
- к своему собственному населению (населению западных стран) [Дугина, 2022].

Наше практическое исследование нацелено именно на изучение формируемого представления о России среди населения зарубежных стран. Мы считаем подобный мониторинг стратегически важным, так как в современных войнах победа должна быть обеспечена не только успехами на поле боя, но и тем, как они представлены в СМИ. При этом подобный мониторинг должен быть соотнесен с пониманием основных культурных доминант и идеологических констант населения стран-реципиентов, иначе возможные усилия по изменению сложившихся представлений могут оказаться абсолютно бесплодными.

Так, в параграфе «Специфика освещения в СМИ специальной военной операции ВС РФ на Украине» Л.Е. Попова рассматривает заголовки англоязычных СМИ, выявляет отдельные примеры демонизации России. Среди выявленных концептуальных угроз образу России стоит выделить часто повторяющийся концептуальный перенос РОССИЯ — это ВАРВАРЫ и появление неологизма «рашизм» (слияние слов «фашизм» и произношения английского слова Russia), что создает образ «дикого, агрессивного государства, чьи мотивы действий абсолютно неясны, нелогичны и не должны объясняться вовсе». Как известно, «цивилизация» должна просто противостоять варварам.

Британский медиадискурс рассмотрен в исследовании А.С. Подолько и О.А. Солоповой «Образ России в британском медиадискурсе в период СВО (на материале издания “The Economist”)». Исследователи собрали собственный корпус новостных сообщений, из которого были извлечены наиболее значимые лексические единицы, репрезентирующие механизмы формирования общественного мнения. Также был

детально изучен дискурсивный контекст формирования образа России и ее общественных институтов. Набор характерной эмоционально окрашенной оценочной лексики в полной мере отражает тенденцию к дегуманизации образа нашей страны. При этом характерным является хромотопное сравнение событий на Украине со Второй мировой войной, где России в британской прессе отводится роль «агрессивной Германии», а Украине — «обороняющегося свободного мира», что также отражает содержание негативной реконцептуализации представлений о России.

Т.В. Гречушникова предлагает нам «услышать обе стороны», в своем исследовании «Немецкоязычные СМИ пророссийской направленности о предыстории, ходе и политическом контексте СВО» автор описывает деятельность отдельных немецких журналистов и политологов, которые занимают нейтральную или пророссийскую направленность в освещении конфликта на Украине. Отмечается объективность «пророссийского дискурса», отсутствие в текстах пропагандистских или манипулятивных стратегий, стремление описать исторический и культурный подтекст происходящих событий.

Предметом исследования А.В. Имас стали креолизованные тексты медиадискурса на немецком языке. Автор изучил все обложки журнала *Der Spiegel* и предположил, что ключевым является каскадное тиражирование образа России и Президента В. Путина как «врага». Отдельно стоит упомянуть использование визуальных метафор, например, ПУТИН — это ДЬЯВОЛ, РОССИЯ — это ИМПЕРИЯ ЗЛА. Так, мы наблюдаем устойчивую дисфемизацию образа нашей страны. Отметим, что шаблоны, используемые в немецкой прессе, носят явный яростно-пропагандистский характер, что, вероятно, связано со стратегической целью коренным образом изменить представление о России как о надежном торговом партнере, который был характерен для СМИ ФРГ некоторое время назад.

В следующем параграфе Е.А. Степаненко посредством лингвокультурологического анализа исследует тексты публичных выступлений голландских политиков. Автор указывает, что антироссийская риторика в данном случае построена на близких и понятных голландской массовой аудитории образах «защиты маленького от большого», «борьбы за свободу и самоопределение». Эти идеологемы, взятые из исторического опыта Нидерландов, становятся опорными точками для формирования образа «большой, варварской и агрессивной» России.

Э.М. Лелюкаева провела анализ испаноязычного медиадискурса на материале СМИ Королевства Испания, Венесуэлы и Кубы. Автор отмечает, что для медиадискурса Испании в целом типичны общеевропейские тенденции, где основным направлением концептуального представления России является образ «страны-агрессора», в то время как в СМИ Венесуэлы и Кубы выявлена нейтральная репрезентация специальной военной операции, изложен политический контекст и предпринята попытка объяснить причины и последствия происходящего. При этом значимого изменения содержания представлений о России не наблюдается, авторы медиатекстов занимают нейтральную позицию, избегая оценочных мнений.

В параграфе под авторством А.С. Веретенникова описаны стратегии виктимизации Украины и стигматизации образа России с высокой степенью пейоративной окрашенности. Автор делает обзорный анализ российской, украинской, западной прессы и СМИ некоторых стран СНГ, отмечая, что к уже ставшим стандартным представлениям о России как об «империи зла» добавляются концептуальные значения, отражающие «непреклонность характера и упорство» русских людей.

Глава 3 открывается результатами исследования Е.В. Голубцовой «Индийские СМИ о специальной военной операции Вооруженных сил РФ», где автор последовательно анализирует репрезентацию основных событий и этапов СВО в главных ин-

дийских СМИ. Отмечается, что различные издания по-разному формируют образ нашей страны. Часть изданий полностью отражают, а порой копируют образы и метафоры, транслируемые описанными выше западными СМИ, а некоторые стараются предложить своей аудитории разные позиции для самостоятельного анализа.

Корпусный анализ медиадискурса на китайском языке показал отсутствие стремления сформировать оценочный компонент концептуального знания о ситуации на Украине в СМИ КНР. О.И. Калинин отмечает расширение содержательного компонента концепта СВО, так как значительное внимание уделяется историческому контексту взаимоотношений России и Украины и внешнему социально-экономическому фону. Все это дает основания полагать, что репрезентация СВО на Украине в китайских медиа носит позитивно-нейтральный характер, а в Китае создается образ далекого внешнего конфликта, который имеет глубокие исторические корни и весьма серьезные экономико-политические последствия.

Интерес представляет диаметрально противоположная репрезентация России и СВО в медиа Республики Корея и КНДР. В СМИ КНДР данный конфликт предстает как противостояние России и США, однако детально ни военные действия, ни их социально-исторический контекст не освещаются, основным содержанием медиа Северной Кореи предстает стандартная репрезентация США как «виновника мировых бед», Россия непосредственно описывается редко. Южнокорейские СМИ в целом вторят повестке западных медиа, в них дублируются основные положения «расчеловечивания» образа России как «жесткого агрессора».

В параграфе «Позиция Вьетнама относительно специальной военной операции России на Украине» В.А. Сербин дает системный анализ не только созданию образа России и репрезентации СВО, но и основным принципам внешней политики Вьетнама и факторам, определяющим позицию страны по украинскому кризису. Автор на основе анализа публичных выступлений по-

литиков, медиатекстов и срезов общественного мнения делает вывод о гибкой позиции Вьетнама, который не стремится «занимать чью-то сторону», призывает к миру и переговорам. В этой связи оценочность изученных текстов является преимущественно нейтральной, без серьезных перегибов в положительную или отрицательную сторону.

«Образ ВС РФ в СМИ Японии в контексте проведения специальной военной операции на Украине» рассмотрен В.М. Середенко и А.С. Вьюновым, которые в русле западной политической повестки используют манипулятивную антироссийскую риторику. Отличающимся аспектом здесь является представление ВС РФ как «слабого, дезорганизованного» противника, нарушающего законы и обычаи войны.

Таким образом, представленная вашему вниманию монография является едва ли не первой попыткой комплексного лингвистического анализа мировых СМИ на предмет освещения СВО. Авторы монографии постарались каждый в своем направлении выявить основные механизмы создания образа России и ее Вооруженных сил, а также ключевые понятийные составляющие этого образа. Проведенный анализ позволяет с достаточно высокой долей уверенности сказать, что ретранслируемые на свою аудиторию западной прессой представления о России имеют целью не только негативизировать, но и полностью изменить концептуальное содержание образа нашей страны как участника мирового сообщества. Стигматизация России и дисфемизация ее Вооруженных сил нацелены на расчеловечивание, дегуманизацию, представление русских как варваров, что оправдывает в глазах собственной аудитории использование любых средств и приемов. Мы полагаем, что данная информационная кампания является ярким и вполне однозначным примером информационной войны, которая проводится параллельно с конвенциональными боевыми действиями и, вероятно, будет иметь еще более серьезные последствия для международной политики в обозримом будущем.

При этом проведенное исследование демонстрирует, что постулируемая многополярность современного мира существует в реальности. Новостные сообщения, распространяемые официальными странами многих других стран, например, Индии, Китая, Венесуэлы, Вьетнама и других, не создают какого-либо оценочно-окрашенного образа России, а военная операция ВС РФ на Украине представлена как одно из важных мировых событий, которое рассматривается в широком социально-историческом и политико-экономическом контексте.

Калинин Олег Игоревич

ГЛАВА 1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

*Марк Владимирович Приходько (Москва, Россия)
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
marko007@mail.ru*

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В период с середины XX по XXI в. человечество вступает в новый этап своего развития. Он обладает чертами перехода от индустриальной эры, в основе которой стояло развитие промышленного производства, к постиндустриальной (информационной), в которой ведущую роль играют информационные процессы, а распространение информации приобретает критическое значение для существования человечества вообще.

Американский футуролог Э. Тоффлер в 80-х годах XX в. описал период истории на пересечении XX и XXI вв. и назвал его «третьей волной». По его мнению, история характеризуется волновым развитием, где «третья волна» завершает сельскохозяйственную (первая волна) и промышленную фазы (вторая волна) развития человечества [Тоффлер, 1999: 25]. Также автор замечает, что результатом такого перехода стал «инфосферный» взрыв, «породивший рост объема циркулирующей информации в мире (в том числе и ложной)» [Тоффлер, 2005: 240]. Подобный по силе «взрыв», затронув все сферы жизни человека и отрасли знания, повлиял и на развитие военной мысли, способной изменить облик войны.

На наш взгляд, характеристика войн «третьей волны» соотносится с актуальным в наши дни феноменом информационных войн, «осуществляемых путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собствен-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru